

**РОССИЯ
В ПЕРЕЛОМНЫЙ
МОМЕНТ
ИСТОРИИ**

**Пол
Эврич**

ВОССТАНИЕ В КРОНШТАДЕТЕ

1921

Пол Эврич

Восстание в Кронштадте. 1921 год

«Центрполиграф»

Эврич П.

Восстание в Кронштадте. 1921 год / П. Эврич —
«Центрполиграф»,

В марте 1921 года красные матросы, оплот и боевой авангард революции, подняли в крепости на Финском заливе восстание против правительства большевиков. Это событие до сих пор вызывает яростные споры. Было ли оно протестом против правящей диктатуры, или же противники молодой Республики Советов умело воспользовались их недовольством и подготовили этот взрыв народного возмущения? Пол Эврич – американский историк, специалист по русской эмиграции и русскому анархизму – делает попытку объективно разобраться с событиями на острове Котлин.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	6
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Пол Эврич

Восстание в Кронштадте

1921 год

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Посвящается Ине, Джейн, Карен

ВВЕДЕНИЕ

«Кронштадтские события явились как бы молнией, которая осветила действительность ярче, чем что бы то ни было», – сказал Ленин¹.

В марте 1921 года моряки, «краса и гордость» русской революции, в крепости на Финском заливе подняли восстание против правительства большевиков, которым сами же помогли захватить власть. Под лозунгом «свободных Советов» они создали революционную коммуну, просуществовавшую шестнадцать дней. После долгой и яростной борьбы правительственные войска подавили мятеж с тяжелыми потерями с обеих сторон.

Восстание мгновенно вызвало ожесточенные споры, которые никогда полностью не утихали. Почему восстали моряки? По версии большевиков, они были агентами белогвардейского заговора, тайно готовившегося на Западе русской эмиграцией и сторонниками со стороны союзников. Но с точки зрения сочувствующих, моряки были мучениками революции, боровшимися против диктатуры большевиков. В их глазах подавление восстания было неоправданно жестоким, что разрушило миф о Советской России как о «рабоче-крестьянском государстве». Впоследствии некоторые зарубежные коммунисты пересмотрели свое отношение к правительству, которое смогло так безжалостно расправиться с собственным народом. Кронштадт был первым опытом в череде последующих событий, которые заставят разочарованных радикалов порвать с движением. Уничтожение кулаков, большая чистка, советско-германский пакт, разоблачение Хрущевым Сталина – все это каждый раз приводило к отказу от членства в коммунистической партии и к разочарованию сторонников, считавших подобные действия предательством революции.

«Такой отправной точкой, несомненно, стал Кронштадт, – написал в 1949 году Луи Фишер, – до его появления можно было колебаться, сомневаться и даже не соглашаться и все же отрешиваться от нападков. На протяжении многих лет у меня не было своего «Кронштадта»².

Кто-то нашел свой «Кронштадт» позже, во время восстания в Венгрии в 1956 году. В Будапеште, как в Кронштадте, мятежники стремились преобразовать авторитарный, бюрократический режим в социалистическую демократию. Для большевиков подобные действия таили большую опасность, чем открытая оппозиция принципам социализма. Венгрия, а затем Чехословакия в 1968 году были опасны не потому, что контрреволюционны, а потому, что, подобно Кронштадту, их концепция революции и социализма противоречила концепции советского руководства; Москва, как и в 1921 году, объявила эти восстания контрреволюционными заговорами, а затем подавила их. События в Будапеште, отмечал один из критиков советской политики, вновь показали, что коммунисты не остановятся ни перед чем, чтобы уничтожить тех, кто бросает вызов их власти.

Однако не стоит углубляться в такие сравнения. События, происходящие в других странах через десятки лет после Кронштадта, могут только внешне походить на события в Кронштадте. В 1921 году Советская Россия не была всемогущей державой – это было молодое государство, столкнувшееся со своим мятежным населением и с непримиримыми врагами за границей, которые жаждали отобрать власть у большевиков. Здесь наиболее важно, что Кронштадт находился на территории Советской России и на большевиков обрушился мятеж, вспых-

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. М., 1958 – 1965. Т. 43. С. 138. Здесь и далее цит. по этому изданию.

² Фишер Л. Поверженный бог. Нью-Йорк, 1950. С. 207. Фишер Луи – американский журналист, близкий друг Светланы Аллилуевой в первые годы ее пребывания в США. В 1920 – 1930-х годах придерживался коммунистической ориентации, в 1923 – 1937 годах – корреспондент ряда американских газет в Москве. Автор одной из наиболее полных биографий Ленина. (Примеч. пер.)

нувший на собственном флоте, на важнейшей стратегической заставе, охраняющей западные подступы к Петрограду. Они опасались, что Кронштадт может положить начало восстанию по всей России или стать плацдармом для новой антисоветской интервенции. Стало очевидно, что русская эмиграция пытается оказать помощь мятежникам и воспользоваться ситуацией в собственных интересах. Конечно, никакие действия белоэмигрантов не могут оправдать жестокости большевиков в отношении балтийских моряков, но объясняют поспешность, с какой правительство стремилось подавить восстание. Через несколько недель на Финском заливе должен был растаять лед, и тогда с Запада могло поступить продовольствие, медикаменты, боеприпасы и подкрепление, что превращало крепость в базу для новой интервенции. Похоже, Ленина и Троцкого искренне волновало именно это.

Советские авторы, в значительной мере исказив факты, изложенные несколькими западными историками, выставляли мятежников либо простаками, позволившими одурачить себя, либо агентами белогвардейского заговора. В этой книге делается попытка рассказать о восстании беспристрастно. Для решения этой задачи следовало дать обзор политических и социальных событий, поскольку Кронштадтское восстание было только частью серьезного кризиса, отметившего переход от политики военного коммунизма к новой экономической политике – нэп, кризиса, который Ленин оценивал как самый серьезный с момента прихода к власти. Кроме того, было необходимо установить связь Кронштадтского мятежа со стихийными восстаниями в России в целом. Подобный подход, хочется надеяться, прольет свет на позицию и поведение мятежников.

Помимо этого, есть ряд вопросов, требующих подробного рассмотрения. Среди наиболее важных – социальный состав флота, роль народного недовольства, причастность белой эмиграции, суть идеологии мятежников. На некоторые вопросы невозможно дать однозначный и окончательный ответ до тех пор, пока не будут открыты для доступа советские архивы, что вряд ли произойдет в ближайшее время. Тем не менее в книге дается по возможности полная картина восстания, представлены ссылки на документы из западных архивов и на советские издания, которые, зачастую являясь сугубо пропагандистской литературой, при внимательном изучении помогли пролить свет на некоторые наиболее существенные проблемы.

В первую очередь важно исследовать противоречивые мотивы мятежников и их противников, большевиков. С одной стороны, моряки были революционными фанатиками и, как любые фанатики, стремились вернуть те их идеалы, которые теперь «осквернены властями». С другой стороны, большевики, выйдя победителями из кровавой Гражданской войны, не могли допустить никаких открытых вызовов своей власти. В этом конфликте каждая сторона вела себя в соответствии с собственными целями и стремлениями. Но не следует забывать о моральном аспекте. Положение, в котором оказался Кронштадт, может вызвать у историка сочувствие к мятежникам, однако следует признать, что большевики имели основания для усмирения мятежников. Осознание этого приведет к пониманию всей полноты трагедии Кронштадта.

Глава 1

КРИЗИС ВОЕННОГО КОММУНИЗМА

Осенью 1920 года в Советской России начался непростой переходный период – от войны к миру. Наконец-то над страной, которая в течение более шести лет находилась в состоянии непрекращающихся переворотов – мировая война, революция, Гражданская война, – стал рассеиваться туман. 12 октября Советская Россия заключила перемирие с Польшей. Спустя три недели последний белый генерал, барон Петр Врангель, покинул Россию, и Гражданская война, хоть и оставившая после себя растерзанную, обескровленную страну, была выиграна большевиками. На юге еще действовал Нестор Махно, но в ноябре 1920 года его некогда огромная армия была уничтожена и больше не представляла угрозы для Москвы. Красная армия отводила Сибирь, Украину, Туркестан, Донецкий угольный бассейн и нефтяные месторождения Баку, а в феврале 1921 года и Кавказ, захватив Тифлис и свергнув меньшевистское правительство Грузии. Таким образом, советская власть, судьба которой в течение трех лет висела на волоске, теперь была установлена на большей части необозримой территории России.

Окончание Гражданской войны ознаменовало новую эру в отношениях Советской России с другими государствами. Большевики, похоронив надежду на мировой революционный переворот, стремились получить хотя бы небольшую передышку. В свою очередь, западные державы не уповали более на крах большевизма. Обе стороны стремились нормализовать отношения, и к концу 1920 года не было причин, препятствующих обоюдному желанию. Две из них, стоявшие на пути признания Советской России и возобновления с ней торговых отношений – экономическая блокада и вооруженная интервенция, – были уничтожены; в январе 1921 года Советы приняли решение снять блокаду. В 1920 году Россия заключила мирные договоры с балтийскими соседями: Эстонией, Латвией, Литвой и Финляндией; в феврале 1921 года были подписаны договоры о дружбе и сотрудничестве с Персией и Афганистаном, а в марте с Турцией. Советские комиссары, Леонид Красин в Лондоне и Вацлав Боровский в Риме, добились подписания торговых соглашений с Англией и Италией, что сулило хорошие перспективы.

Однако, несмотря на эти положительные моменты, зима 1920/1921 года явилась чрезвычайно критическим периодом в истории Советского государства. Не случайно в декабре 1920 года, выступая на VIII съезде Советов, Ленин заявил, что осуществить плавный переход к мирной экономике и перестройке общества будет непросто.

Несмотря на то что война была выиграна, а внешнее положение России заметно улучшалось, большевики столкнулись с серьезными внутренними проблемами. Страна была измучена, доведена до банкротства. За два последних года резко возросла смертность. Миллионы стали жертвами голода и эпидемий, не считая миллионного числа погибших на полях сражений. В стране царила разруха, Россия испытывала те же страдания, что и во времена потрясений и смут, отличавших начало XVII века в России. Сельское хозяйство, промышленность, транспорт находились на грани коллапса.

Пришло время залечивать раны, а для этого требовались изменения во внутренней политике, которые бы ослабили напряженность внутри страны. В первую очередь следовало отказаться от политической доктрины военного коммунизма, созданной на скорую руку и соответствующей чрезвычайным требованиям Гражданской войны. Как следует из самого названия, политика военного коммунизма отличалась системой жесткой регламентации и принуждения. Политика централизации государственного управления во всех сферах социальной жизни была продиктована дефицитом, экономическими требованиями военного времени. Краеугольным камнем этой политики была насильственная конфискация зерна у крестьянства. В сельскую местность направлялись вооруженные продовольственные отряды (продотряды) из числа

рабочих и солдат, занимавшиеся изъятием продовольствия, чтобы накормить города и обеспечить продовольствием пятимиллионную Красную армию. Несмотря на приказ оставлять крестьянам продукцию, достаточную для их собственных нужд, члены продотрядов под дулом пистолетов отнимали у крестьян зерно, запасенное для будущего сева или личных потребностей. «Сущность военного коммунизма, – признавал Ленин, – заключалась в том, что мы фактически брали у крестьян излишки, а иногда и не только излишки, но и часть зерна, необходимого для еды. Мы забирали его, чтобы удовлетворить требования армии и поддержать рабочих»³.

Помимо зерна и другого продовольствия, продотряды отбирали лошадей, фураж, повозки – одним словом, все, что требовалось воюющей стране, зачастую без оплаты, оставляя таким образом крестьян без таких предметов первой необходимости, как сахар, соль, керосин, не говоря уже о мыле, спичках, обуви, табаке, гвоздях.

Принудительная реквизиция (так называемая продразверстка), несомненно, спасла большевистский режим от поражения, поскольку без нее не смогли бы выжить ни армия, ни городское население, являвшиеся основной опорой правительства. Но неизбежной ценой продразверстки стало отчуждение крестьянства. Реакция крестьян, вынужденных отдавать под угрозой применения оружия продовольственные излишки и лишенных товаров первой необходимости, была абсолютно предсказуемой: зачастую продотряды, если даже не встречали открытого сопротивления, сталкивались с тактикой уклонения, на которую был горазд изобретательный крестьянский ум. По данным 1920 года, от продотрядов было успешно скрыто более трети общего объема урожая.

Кроме того, крестьяне стали обрабатывать только то количество земли, которое обеспечивало их собственные нужды; таким образом, к концу 1920 года в европейской части России засеянные площади составляли только три пятых от засеянных в 1913 году – последнем мирном году перед Первой мировой войной и революцией.

Значительное сокращение посевных площадей в период Гражданской войны, безусловно, можно отнести на счет разрухи, которой подверглась деревня, но политика продразверстки тоже немало способствовала катастрофическому снижению уровня сельскохозяйственного производства. К 1921 году общий выпуск продукции упал почти вдвое, а прирост поголовья скота составлял примерно две трети от довоенного уровня. Но более всего сократились площади, отведенные под лен и сахарную свеклу: они уменьшились в пять и десять раз соответственно относительно прежнего уровня.

Принудительная конфискация послужила одновременно разжиганию извечного противостояния между русским крестьянством и городским населением. Ленин давно понял, что при существующей экономической и социальной отсталости России для победы его партии, а впоследствии и для удержания власти необходим временный союз с крестьянством, по крайней мере нейтралитет. Именно по этой причине в декабре 1917 года в первую очередь было сформировано коалиционное правительство с левыми эсерами; и, возможно, по этой же причине на пост председателя Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) был избран Михаил Иванович Калинин – один из немногих видных большевиков, о ком было известно, что он крестьянского происхождения. Основным же средством, которое должно было обеспечить поддержку крестьянства, являлось выполнение их давней мечты о «черном переделе», перераспределении земли. Большевистские декреты о земле от 26 октября 1917 года и 19 февраля 1918 года находились в очень тесной связи со стремлениями крестьянских масс к уравнительности.

Заемствуя аграрную программу эсеров, чьи доктрины находились в соответствии с устремлениями крестьянства, молодое советское правительство отменило частную собствен-

³ Ленин В.И. Указ. соч. Т. 43. С. 219.

ность на землю и приказало поровну распределить землю среди тех, кто возделывает ее своими руками, без применения наемного труда.

Декреты о земле придали новый импульс процессу, начавшемуся несколькими месяцами ранее, летом 1917 года, когда крестьяне стали захватывать земли помещиков, и к 1920 году земля была поделена более чем на двадцать миллионов небольших наделов, на которых трудились крестьянские семьи.

Однако не приходится удивляться, что традиционное недоверие к официальным декретам, исходившим от государства, несколько умеряло энтузиазм крестьян, приветствовавших первые большевистские законы. Для крестьян большевистская революция означала прежде всего удовлетворение «голода по земле» и уничтожение помещиков, и теперь им хотелось, чтобы их просто оставили в покое. Обосновавшись на своих новых земельных наделах, они старались уберечься от любых внешних вторжений. Но Гражданская война затягивалась. В деревнях появились продотряды, и постепенно крестьяне стали рассматривать большевиков скорее как противников, чем друзей и благодетелей. Ленин и его партия прогнали господ и дали людям землю, жаловались крестьяне, только для того, чтобы отбирать выращенный ими урожай и их право использовать свою землю по собственному разумению. Недовольство было вызвано и появлением во время Гражданской войны коллективных хозяйств (колхозов), под которые власти отдавали большие наделы из помещичьих усадеб. Крестьяне считали, что настоящий «черный передел» – это когда вся земля поровну поделена между людьми и, конечно, нет никакой «платы за рабский труд», как в государственных хозяйствах. «Крестьянин думает: если есть большие хозяйства, то я опять наемный работник», – писал Ленин⁴.

В результате этой политики многие крестьяне пришли к выводу, что большевики и коммунисты совершенно разные люди⁵. С первыми они связывали драгоценный подарок в виде земли, а вторых злобно обвиняли – особенно Троцкого, Зиновьева и прочих коммунистических лидеров, чье «вражеское» происхождение было общеизвестно, – в том, что они придумали новую форму закабаления крестьян, но уже со стороны государства, а не помещиков. «Мы большевики, а не коммунисты. Мы за большевиков, потому что они выгнали помещиков, но мы не за коммунистов, потому что они против личных наделов» – так Ленин определил отношение крестьян к большевикам и коммунистам в 1921 году⁶. Спустя год настроение у крестьян изменилось, правда незначительно. Такой вывод можно сделать из полицейского отчета, пришедшего из Смоленской губернии: «Крестьяне постоянно выражают недовольство советским правительством и коммунистами. В разговорах середняков и бедняков, не говоря уже о кулаках, только и слышится: «Они хотят для нас не свободы, а рабства. Вернулись времена Годунова, когда крестьяне были собственностью хозяина и был отменен Юрьев день. Теперь мы принадлежим еврейской буржуазии, таким как Модковский, Ронзон и т. п.»⁷.

Однако во время Гражданской войны большая часть крестьян была лояльна советскому режиму, считая его меньшим злом, чем белый. Боязнь возвращения дворянства и потери земли перевешивала у крестьян глубокую неприязнь к правящей партии. Надо признать, что в деревнях продотрядам нередко оказывали вооруженное сопротивление, при котором большевики несли потери, однако оно не стало серьезной угрозой власти. После поражения армии Врангеля осенью 1920 года положение резко изменилось. Теперь, когда отпала угроза со стороны белых, возмущение крестьян проразверсткой вспыхнуло с новой силой. По России прокати-

⁴ Ленин В.И. Указ. соч. Т. 38. С. 200.

⁵ В марте 1918 года последователи Ленина перестали называть себя «Российской социал-демократической рабочей партией» – спорное название, которое большевики долго делили с меньшевиками, а теперь оставили им, – и стали «Российской коммунистической партией (большевиков)». (Примеч. пер.)

⁶ Ленин В.И. Указ. соч. Т. 44. С. 43.

⁷ Файнсод М. Смоленск при Советской власти. Кембридж, 1958. С. 43.

лась волна крестьянских восстаний, и наиболее крупные из них в Тамбовской губернии, на Средней Волге, Украине, Северном Кавказе, в Западной Сибири.

Зимой 1920/21 года мятежи быстро набирали силу. В этот период десятки и сотни тысяч солдат вернулись в свои деревни и пополнили ряды восставших крестьян.

В начале 1921 года в атмосфере насилия и беспорядков, представлявших угрозу государству, были демобилизованы более двух миллионов – почти половина общей численности Красной армии. После Первой мировой войны в Европе были известны случаи, когда массовая демобилизация ухудшала существующее экономическое положение и обостряла недовольство народа. Но в России создалось особенно угрожающее положение. Почти семь лет войны, революция, массовые волнения погрузили страну в атмосферу беззакония. Гражданское население, вынужденное покинуть родные места, еще не успело успокоиться и обосноваться после возвращения домой или на новом месте, когда демобилизация, по словам Ленина, выпустила на свободу орду солдат, единственным делом которых была война, и вполне естественно, что они направили свою энергию на участие в восстаниях, занялись грабежом и насилием. По мнению Ленина, создалось положение, равносильное возобновлению Гражданской войны, но в иной, более опасной форме, поскольку ситуация была вызвана не теми социальными слоями, чья время в истории истекло, а непосредственно народными массами. Призрак мощной крестьянской войны, нового восстания Пугачева, слепо и безжалостно преследовал правительство, и это в тот самый момент, когда города, традиционные центры поддержки большевиков, находились в состоянии полного экономического упадка и тоже были охвачены беспорядками.

Между ноябрем 1920 и мартом 1921 года число крестьянских восстаний резко возросло. По данным ВЧК, в феврале 1921 года, накануне Кронштадтского восстания, произошло 118 крестьянских мятежей в разных частях страны.

В Западной Сибири восстания охватили почти всю Тюменскую губернию, Челябинск, Оренбург, Омск. Транссибирская железная дорога была сильно повреждена, что ухудшало и без того серьезную проблему доставки продовольствия в города европейской части России. На Средней Волге, где Стенька Разин и Пугачев приобрели многочисленных сторонников, бродили банды вооруженных мародеров, занимавшихся грабежами и насилием. Тончайшая грань отделяла бандитизм от восстания. Повсюду доведенные до отчаяния люди нападали из засады на продотряды и с необузданной решимостью боролись со всеми, кто решался помешать им. Самые ожесточенные бои шли в черноземной области, в Тамбовской губернии, очаге крестьянских восстаний еще с XVII века. Восстание во главе с А.С. Антоновым⁸, фанатичным борцом, имевшим, как и Нестор Махно, репутацию Робин Гуда, свирепствовало более года до тех пор, пока красный командир Михаил Тухачевский, сразу после подавления Кронштадтского мятежа, не прибыл в Тамбовскую губернию для подавления крестьянского восстания.

Зимой 1920/1921 года крестьянскими восстаниями были охвачены огромные территории, и ряды мятежников неуклонно росли. Крестьянская армия Антонова насчитывала около 50 тысяч человек, а согласно источникам, которые вряд ли страдали преувеличением, общая численность отрядов, сформированных на Урале, в Западной Сибири, Поволжье, на Кубани и на Дону, достигала 200 тысяч человек. (Ряд документов, касающихся крестьянских восстаний 1920 – 1921 годов, содержится в архиве Троцкого, хранящемся в Гарвардском университете.)

Крестьяне, вооруженные топорами, дубинами, вилами, небольшим количеством винтовок и пистолетов, решительно вступали в сражения с регулярными вооруженными форми-

---

⁸ Антонов Александр Степанович – революционер, эсер. В ноябре 1920 – июле 1921 года он был начальником Главного оперативного штаба партизанских армий Тамбовского края, фактическим лидером крестьянского восстания, сторонником террористических партизанских методов борьбы с коммунистическим режимом, принудительной мобилизации крестьянских людских и материальных ресурсов для восстания. В июле 1921 – июне 1922 года скрывался в Кирсановском и Борисоглебском уездах. А. С. Антонова убили вместе с братом Дмитрием в ходе специальной операции Тамбовского губотдела ГПУ в селе Нижний Шибряй и тайно захоронили на территории Казанского монастыря в Тамбове. (*Примеч. пер.*)

рованиями, и отчаянная храбрость народных масс производила такое впечатление на солдат правительственных войск (многие из которых разделяли позицию мятежников), что случаи дезертирства из армии резко участились. Действуя разрозненно и испытывая нехватку оружия, отдельные крестьянские отряды не могли, конечно, соперничать с испытанной в боях Красной армией. Кроме того, у мятежников, кроме лозунгов «Долой реквизицию!», «Долой продотряды!», «Не сдавать продовольственные излишки!», «Долой коммунистов и евреев!», не было никакой конкретной программы, их объединяла лишь общая ненависть к городам, из которых появлялись комиссары и продотряды, и к правительству, которое посылало этих людей, претендовавших на крестьянскую собственность. Население Тамбова, отмечал военный комиссар Тамбовской губернии, считает советскую власть виновницей «вторжения комиссаров и чиновников»; так что нет ничего странного в том, что тамбовские мятежники своей первой целью считали «отстранение от власти коммунистов-большевиков, которые привели страну к нищете, гибели и позору»⁹.

Крестьяне, не ограничиваясь вооруженным сопротивлением и уклонением от продразверстки, пускали в ход и традиционные способы протеста: направляли правительству прошения и жалобы. В период с ноября 1920 года по март 1921 года московские власти были буквально засыпаны обращениями с требованием положить конец принудительной политике военного коммунизма. Теперь, когда одержана победа над белыми, объясняли просители, нет оправдания насильственной реквизиции зерна. Крестьяне требовали установить фиксированный налог на их продукцию и право распоряжаться излишками по собственному усмотрению и в качестве дополнительного стимула для производства сельскохозяйственной продукции – увеличения поставок потребительских товаров в сельскую местность.

Однако эти обращения не находили ни сочувствия, ни отклика у властей, которые считали крестьян не иначе как мелкими собственниками, которые, получив во владение землю, перестанут поддерживать революцию. Больше всего большевики боялись укрепления капитализма в русской деревне. Проводя исторические параллели и вспоминая крестьян 1848 года, бывших оплотом реакции в Западной Европе, большевики не шли ни на какие уступки, которые могли бы сделать крестьянского землевладельца независимым в *их* стране. Кроме того, для большей части большевиков военный коммунизм с его централизованным руководством экономикой был обществом истинного социализма, о котором они мечтали и не желали отступать от своих идеалов ради восстановления свободного рынка и сплоченного, крепкого, а следовательно, независимого крестьянства.

Ярким представителем этой точки зрения был Н. Осинский¹⁰ – лидер группы демократического централизма.

В ряде статей, появившихся в конце 1920 года, Осинский подробно излагает свою точку зрения. Отклоняя любое отступление: фиксированный налог, возобновление свободной торговли, Осинский призывал усилить государственное вмешательство в сельское хозяйство. Единственный выход из аграрного кризиса, писал он, в «обязательной массовой организации производства» под руководством государственных служащих¹¹.

⁹ Синглтон С. Тамбовский мятеж (1920 – 1921) // *Slavic Review*. XXV. 1966. Сентябрь.

¹⁰ Осинский Н. (Валериан Валерианович Оболенский) – один из руководителей студенческого движения до революции. В 1912 году редактировал легальную большевистскую газету «Наш путь». Принимал активное участие в октябрьском перевороте и в его подготовке, как один из крупных деятелей Московского областного Бюро партии и Московского Совета. В период «Брестских» разногласий примыкал к левому крылу коммунистов. Вместе с Вл. Смирновым был в оппозиции по вопросам единоличия и коллегиальности. В 1920 – 1921 годах – лидер группы демократического централизма; в 1917 – 1918 годах – председатель ВСНХ; в 1921 – 1923 годах – заместитель наркома земледелия; в 1923 – 1924 годах – полпред СССР в Швеции; с 1926 года – управляющий ЦСУ. С 1929 года – заместитель председателя ВСНХ. В 1921 – 1922 годах и с 1925 года – член ЦК партии: член ВЦИКа и ЦИКа СССР. Был репрессирован; реабилитирован посмертно. (Примеч. пер.)

¹¹ Осинский Н. Государственное регулирование крестьянского хозяйства. М., 1920. С. 8, 9.

Для этого он предлагал сформировать в каждой деревне «посевные комитеты» с перво-степенной задачей увеличения продукции путем расширения пахотных земель. Кроме того, эти комитеты должны были решать все вопросы, влияющие на эффективность сельскохозяйственного производства, такие как рациональное использование сельскохозяйственного оборудования, уход за домашним скотом и т. п. Далее Осинский предлагал потребовать от крестьян хранения своего зерна в общих хранилищах, и чтобы вопрос его распределения находился в ведении правительства. В окончательном варианте Осинский видел систему государственного сельского хозяйства, при которой все небольшие земельные наделы станут общими.

Таким образом, рекомендации Осинского подразумевали не просто сохранение политики военного коммунизма, но фактически укрепление ее на каждой стадии сельскохозяйственного производства. Крестьяне и так уже выражали сильное недовольство политикой правительства, а предложения Осинского только добавили причины для недовольства. Возможность рассказать о своих предложениях появилась у Осинского в конце декабря 1920 года, во время проходившего в Москве VIII съезда Советов. Проект Осинского занял центральное место при обсуждении основных вопросов. Коммунистическое большинство, поддержавшее проект Осинского, неожиданно натолкнулось на сильное сопротивление со стороны присутствовавших на съезде без права решающего голоса меньшевиков и эсеров, последний раз появившихся на национальном собрании подобного рода.

Федор Дан¹² и Давид Даллин¹³ – от меньшевиков и В.К. Вольский и И.Н. Штейнберг – от правых и левых эсеров были единодушны в осуждении «банкротства» политики военного коммунизма.

Эти двое призывали к незамедлительной замене продразверстки фиксированным налогом, требовали дать крестьянам право свободно распоряжаться оставшимися излишками сельхозпродуктов. Любая система, основанная на принуждении, объяснял Дан, будет только способствовать уменьшению посевных площадей и, следовательно, сокращать количество столь необходимого стране зерна. Продолжая использовать силовые методы, мы увеличиваем противостояние между городом и деревней, пытался доказать Ф. Дан, и сами толкаем крестьянство на путь контрреволюции. В таком же духе выступил Вольский, убеждая правительство поощрять кооперативы, созданные на добровольной основе, и отказаться от государственных хозяйств, которые принимаются крестьянами в штыки. Что касается «посевных комитетов» Осинского, то Даллин обратил внимание собравшихся, что любой новый инструмент принуждения только усугубит существующий кризис.

Сами крестьяне высказали свои возражения против аграрной политики правительства на закрытом заседании крестьянских делегатов. На заседании присутствовал Ленин, и направленные им записки в адрес Центрального комитета и Совета народных депутатов представляют огромный интерес. Согласно запискам Ленина, проект Осинского был встречен делегатами с единодушным возмущением. С нескрываемым презрением крестьянин из Сибири – района, охваченного крестьянским восстанием, – осудил идею создания новых комитетов и усиления

¹² Дан (псевдоним; настоящая фамилия Гурвич) Федор Ильич – врач по профессии, один из лидеров меньшевизма. В социал-демократическом движении с 1894 года, входил в петербургский Союз борьбы за освобождение рабочего класса. Летом 1901 года эмигрировал, в Берлине вошел в группу содействия «Искре». В 1902 году участвовал в подготовке II съезда РСДРП; в 1903 году примкнул к меньшевикам. Участник IV (1906 г.) и V (1907 г.) съездов РСДРП. В годы реакции лидер ликвидаторства, редактор газеты «Голос социал-демократа», член меньшевистских ОК и ЦК. В Первую мировую войну – социал-шовинист. После Февральской революции 1917 года идеолог «революционного оборончества»; член Исполкома Петроградского Совета и Президиума ЦИКа 1-го созыва; поддерживал буржуазное Временное правительство. После Октябрьской революции работал врачом в системе Наркомздрава, на VII (декабрь 1919 г.) и VIII (декабрь 1920 г.) Всероссийских съездах Советов выступал от фракции меньшевиков. В 1922 году выслан за границу как враг советской власти. Возглавил в Берлине контрреволюционную деятельность меньшевиков. В 1923 году принимал участие в создании Социалистического интернационала. В 1923 году лишен советского гражданства. В 1941 – 1947 годах издавал в США антисоветский журнал «Новый путь» – орган меньшевиков-эмигрантов.

¹³ Даллин Давид – социалист-меньшевик и биограф Ленина. (Примеч. пер.)

вмешательства государства в дела деревни. «Осинский не знает Сибири. Я тружусь на сибирской земле уже тридцать восемь лет, а Осинский ничего в этом не понимает», – закончил он свое выступление.

Делегаты резко критиковали усилия правительства по коллективизации сельского хозяйства, но наибольшим нападкам подверглось предложение продолжить конфискацию зерна вооруженными продотрядами, которые, выполняя свою задачу, не делали никакого различия между бездельниками и трудолюбивыми крестьянами. Один из делегатов заявил, что продотряды забирают такое количество зерна, что не остается ни крестьянам, ни скоту. Крестьянин из Тулы рассказал, что вследствие непомерной конфискации десять губерний черноземной зоны (включая его губернию) остались без посевного материала. Если необходимо увеличить выпуск сельскохозяйственной продукции, сказал делегат из Перми, то их должны освободить от принудительной ее сдачи.

Выступавшие один за другим возмущенно говорили о том, что за свою продукцию получают либо незначительную компенсацию, либо не получают вообще ничего. «Если вы хотите, чтобы мы засевали большие площади, – заявил крестьянин из Минской губернии, – то дайте нам соль и металл». «Нам нужны лошади, бороны», – кричали делегаты. «Нам нужен металл для ремонта оборудования, дерево для сараев, – подхватывали другие. – Или дайте деньги, чтобы заплатить за работу кузнецу или плотнику».

Крестьянин из Костромской губернии высказал мнение целой группы делегатов, когда заявил: «Крестьянину нужен стимул, иначе он не будет работать. Под ударом плети я могу отойти в сторону, но не могу выращивать хлеб». – «И какой же это стимул?» – спросил делегат из Новгорода. «Простой. Установить фиксированный налог на зерно и скот»¹⁴.

Ленин был обеспокоен тяжелым положением крестьян. Например, когда он узнал, что у крестьян одной из губерний конфисковали все зерно, не оставив даже семенного фонда, он высказался в их защиту.

Еще в ноябре 1920 года Ленин начал изыскивать возможность «преобразования реквизиции продовольствия в натуральный налог»¹⁵, то есть занялся тем, чего требовали сами крестьяне.

Но на VIII съезде Советов Ленин отклонил этот шаг, как преждевременный. Опасность возобновления Гражданской войны, сказал он, полностью не исчезла. Еще предстоит официально заключить мирный договор с Польшей. Армия Врангеля, снабжаемая Францией, стоит в соседней Турции и находится в состоянии готовности нанести удар при первой возможности. Исходя из этого, не стоит излишне поспешно переходить к новой экономической программе мирного времени.

Выступая на собрании представителей крестьян Московской губернии в октябре 1920 года, Ленин признал (под одобрительные крики из зала), что крестьянство стонет под тяжким бременем налогообложения – бременем, которое внесло серьезный разлад между городом и деревней, между рабочим и крестьянином. «Но если баран и козел ссорятся, – имея в виду пролетариат и крестьянство, спросил Ленин, – следует ли позволить гидре контрреволюции сожрать их обоих?»¹⁶

Итак, несмотря на растущую опасность, Ленин крепко держался за политику военного коммунизма. В декабре 1920 года на VIII съезде Советов он поставил свою подпись под проектом Осинского, одобрив создание государственных зернохранилищ и план будущей посевной кампании. Съезд вынес резолюцию, согласно которой следовало разработать «государственный план обязательного сева» под руководством Комиссариата сельского хозяйства. В каждой

---

¹⁴ Ленин В.И. Указ. соч. Т. 42. С. 382 – 386.

¹⁵ Там же. С. 51.

¹⁶ Ленин В.И. Указ. соч. Т. 41. С. 362 – 363.

губернии, районе и деревне должны были быть сформированы посевные комитеты, отвечающие за сосредоточение и подготовку людских ресурсов и сельскохозяйственной техники, необходимых для увеличения посевных площадей.

Пока Ленин рассматривал любые дальнейшие проекты по коллективизации сельского хозяйства неосуществимыми. Он уже не думал, что социализм возможен в ближайшем будущем. Россия осталась крестьянской страной, сказал он, выступая на VIII съезде, а крестьяне не социалисты. Относиться к ним как к социалистам все равно что строить будущее России на песке. Хотя Сухаревский рынок, как его называли в народе – Сухаревка (знаменитый блошинный рынок в Москве), был закрыт, все мелкие собственники были по-прежнему проникнуты этим духом. «Пока мы живем в стране мелких собственников земли, – сказал Ленин, – капитализм в России будет иметь более крепкую экономическую основу, чем коммунизм. Но если переход к социализму будет долгим и трудным, тем больше причин не отступать перед капиталистическими силами в деревне». Таким образом, в сельском хозяйстве большевики предпочли придерживаться политики принуждения, а не уступок.

Положение в городах, до настоящего времени главном оплоте большевизма, было во много раз хуже, чем в деревнях. Шестилетние беспорядки разрушили промышленность. Картина, согласно опубликованным статистическим данным, несмотря на множество расхождений в зависимости от источников, представляется близкой к краху.

К концу 1920 года общий уровень объема промышленной продукции снизился почти в пять раз по сравнению с уровнем 1913 года. Самое критическое положение сложилось с поставками топлива и сырья. Хотя Бакинские нефтяные промыслы и Донецкий угольный бассейн удалось отвоевать весной и осенью 1920 года, колоссальные разрушения можно было восстановить только ценой титанических усилий. Многие шахты были затоплены, предприятия разрушены. В России в конце 1920 года добыча угля составляла четверть, а нефти – треть довоенного уровня производства. Еще хуже дело обстояло с добычей железной руды и производством чугуна: в 1920 году лишь 3 процента от выпуска 1913 года. Практически прекратилась добыча и выплавка меди. Испытывая недостаток основных видов сырья, главные промышленные центры страны были вынуждены сильно сократить производство. В результате резко уменьшилась численность рабочих на многих крупных предприятиях, которые трудились теперь неполный рабочий день. Полностью прекратили работу некоторые важные секторы тяжелой промышленности. Производство потребительских товаров составляло четверть довоенного уровня. Кожевенное производство сократилось в десять раз, работала только одна из двадцати текстильных фабрик.

Кроме прочего, на развал экономики повлияли еще два дополнительных фактора: ухудшающее воздействие недавно союзнической блокады и дезорганизация транспортной системы. Блокада, начавшаяся после заключения в 1918 году Брестского мира, была снята в 1920 году, но внешнеторговые связи восстановились только на следующий год, и то в очень незначительных масштабах. В результате Советская Россия была лишена самого необходимого оборудования, машин, механизмов, сырья, отсутствие которых препятствовало быстрому восстановлению промышленности. Серьезно пострадала транспортная система страны. Отступающие армии взрывали железнодорожные пути, дороги и мосты. Троцкий, выступая на VIII Всероссийском съезде Советов и объясняя положение, сложившееся на транспорте, особо отметил, что больше половины локомотивов находятся в неисправном состоянии; производство новых составляет 15 процентов от производства 1913 года.

В общей сложности было разрушено 3762 железнодорожных моста, 1200 миль железнодорожных путей; повреждено 60 тысяч миль телеграфных проводов.

Топливо поставлялось с перебоями, и железнодорожники были вынуждены использовать дрова, что, естественно, резко увеличило число поломок локомотивов. В некоторых районах движение было полностью парализовано.

Возникли серьезные проблемы с доставкой продовольствия в города: жители сидели буквально на голодном пайке. Разработанная система выдачи продовольственных пайков, при которой в наиболее выгодном положении оказались рабочие военных отраслей промышленности, сохранилась даже после окончания Гражданской войны. Таким образом, в начале 1921 года петроградские рабочие, занятые в плавильном производстве, ежедневно получали 800 граммов черного хлеба, ударники труда – 600, а прочие категории рабочих – 400 и даже 200 граммов черного хлеба. Но даже эти скудные пайки выдавались нерегулярно. В среднем в день транспортные рабочие получали от 700 до 1000 калорий, что намного ниже нормы, необходимой для физической работы в течение полного рабочего дня.

Распавшийся в период Гражданской войны рынок усугубил продовольственный кризис в городах. В период военного коммунизма был введен запрет на частную торговлю, и натуральный обмен между городом и деревней фактически прекратил существование. Но освободившееся место было незамедлительно занято черным рынком. Толпы «мешочников» бродили от деревни к деревне, скупая хлеб и овощи, чтобы затем продать их голодающим жителям городов или обменять у них на вещи. К концу 1920 года незаконная торговля выросла до таких размеров, что в значительной степени вытеснила официальные источники поступления продовольствия. Одновременно инфляция достигла головокружительных высот. В течение 1920 года цена хлеба увеличилась более чем в десять раз.

Чтобы покрыть расходы, советское правительство запустило с бешеной скоростью печатный станок; в результате золотой рубль, стоивший в 1917 году 7 рублей 85 копеек, спустя три года дошел до 10 тысяч бумажных рублей.

К концу 1920 года, согласно официальным данным, реальная заработная плата заводских рабочих в Петрограде составляла 8,6 процента от довоенного уровня заработной платы.

По мере обесценивания денег увеличивалась доля заработной платы, выплачиваемой рабочим в натуральной форме. В дополнение к продовольственному пайку, который составлял основу заработной платы, рабочий получал обувь и одежду, а в каких-то случаях часть производимой им продукции, которую обычно обменивал на продукты.

Однако рабочие, как правило, не могли прокормить себя и свою семью, и горожане, оставив городские квартиры, толпой повалили в деревни в поисках еды. В период с октября 1917 года по август 1920 года (когда была проведена перепись) численность населения Петрограда с 2,5 миллиона человек сократилась примерно до 750 тысяч. За тот же период население Москвы уменьшилось почти в два раза, а общая численность городского населения России сократилась примерно на треть. Значительную долю переселенцев составляли рабочие промышленных предприятий, вернувшиеся в родные деревни, к привычному крестьянскому образу жизни. В августе 1920 года Петроград, например, покинули порядка трети из 300 тысяч заводских и фабричных рабочих, а в целом по России уменьшение городского населения превысило 50 процентов.

Такое уменьшение численности горожан, частично связанное с высокой смертностью на фронте, а частично с возвращением в деревни, чтобы принять участие в разделе земли, нестабильная работа промышленных предприятий, перебои с топливом, дефицит товаров первой необходимости тоже явились причинами массового бегства из крупных городов. Но все-таки большинство людей отправилось на поиски продовольствия, особенно в 1919 – 1920 годах, когда в городах стал стремительно нарастать голод.

Даже среди тех, кто решил остаться, многие восстановили связи со своими деревнями, периодически отправляясь туда за продуктами, на время болезни или чтобы помочь во время посевной или при сборе урожая. По иронии судьбы это происходило в тот момент, когда страна, согласно идеологическим установкам большевистской партии, должна была приобретать все более и более городской, индустриальный характер. Вместо этого Россия (причинами послужили раздел земли и Гражданская война) вновь вернулась в отсталую сельскохозяйственную

страну, едва успев начать выходить из этого состояния. Для советского правительства, которое руководило страной от имени промышленного пролетариата, подобная ситуация была чревата опасностью. Не только переезд людей из города в деревню подрывал социальную основу большевистской власти, но возобновление отношений между крестьянами и рабочими способствовало усилению существующей напряженности. Теперь приезжие из города, увидев собственными глазами последствия политики военного коммунизма в деревне, поддерживали крестьян, недовольных политикой правительства. От крестьян и рабочих недовольство мгновенно распространилось на их родственников, служивших в армии и на флоте. В результате по стране прокатилась волна крестьянских восстаний, начались беспорядки на промышленных предприятиях, в армии; взрыв наступил 21 марта 1921 года в Кронштадте.

Тем временем положение в городах продолжало ухудшаться. К началу 1921 года развалились важнейшие составляющие городского уклада жизни. Из-за топливного кризиса в зимние месяцы цеха, служебные здания, квартиры остались без отопления. Людям негде было купить теплую одежду и обувь. Поступали сообщения об умерших от холода в неотапливаемых помещениях. Сыпной тиф и холера опустошали города. Но, несмотря на резкое сокращение численности городского населения, продовольственная проблема оставалась самой острой. К концу 1920 года средняя производительность труда составляла треть показателя 1913 года.

Доведенные до отчаяния голодом и холодом люди по несколько дней не выходили на работу, а отправлялись в окрестные деревни в поисках продовольствия и дров. Они добирались пешком и в переполненных железнодорожных вагонах, с личными вещами и украденными на фабриках и заводах, где они работали, товарами, чтобы обменять их на любые продукты. Правительство делало все возможное, чтобы прекратить эту незаконную торговлю. Вооруженные заградительные отряды блокировали дороги, охраняя подходы к городу и конфискуя мешки с продуктами, которые «спекулянты» везли домой, чтобы накормить семьи. О зверствах заградотрядов говорили по всей стране; они стали притчей во языцех, и комиссариаты в Москве были завалены жалобами на их бесчинства.

Негодование рабочего класса, помимо деятельности заградотрядов, вызывало распределение рабочих по группам, возникшее при военном коммунизме. Инициатором системы распределения был Троцкий, нарком по военным делам (военный комиссар). Подстегиваемый собственным успехом с быстрым наведением дисциплины в Красной армии, Троцкий стремился использовать те же военные методы в отношении разваливающейся на глазах промышленности. В январе 1920 года Совет народных комиссаров, в значительной степени при подстрекательстве Троцкого, принял декрет об общей трудовой повинности для всех трудоспособных лиц, достигших совершеннолетия. Одновременно было принято решение использовать личный состав армии, после прекращения боевых действий на фронте, на гражданских работах. Поскольку Гражданская война приближалась к концу, отряды красноармейцев, вместо увольнения из армии, отправлялись на работы в составе так называемых «трудовых армий», на лесозаготовки, на транспорт, строительство и на другие работы, требовавшие применения неквалифицированного труда¹⁷

¹⁷ Прецедент был создан, когда 15 января 1920 года вышел декрет, по которому 3-я армия на Урале преобразовывалась в «Первую революционную трудовую армию», располагавшую военной властью над местными гражданскими органами власти. (Примеч. пер.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.